

Шоссе не туда

Клуб, где выступил Дауд, был полон

Джонни Дауду сейчас за 50. Это суровый крепкий седой мужчина с репутацией не сильно знаменитого, но крайне правильно-го сочинителя. Редкие, но бурные похвалы в отечественной прессе и упоминание близкого по духу Тома Уэйтса сделали свое дело: зал клуба Б2, где выступал Дауд, был полон.

Известия — 2002 — 10 июня. — с. 8.

Алексей МУНИПОВ

Ни к виду, ни к манерам, ни к истории м-ра Дауда придраться невозможно. Похож он на Эдуарда Лимонова; во время концерта не вынимает изо рта папироску; играет с попнитром; между песнями прихлебывает виски. Выступать и записываться начал в 48 лет, а до того ничем особенным не занимался, шарашился между Техасом и Оклахомой, на жизнь зарабатывал перевозкой мебели. Автобиография ДД, вывешенная на персональном сайте, состоит из пары абзацев, где сказано, что жизнь у него была совершенно не примечательная, день рождения выпал на Пасху, но факту этому он не придает абсолютно никакого значения, а верует только в рок-н-ролл, вот и все, спасибо за внимание.

Музыка Дауда наследует давней и доброй традиции, в которой значатся и Том Уэйтс, и Ник Кейв, и Чак Уэйсс, и Джим Уайт, и Хэнк Уильямс с Джонни Кэшем. Это хриплый голос пустынной дороги, это хмурый скрип одноэтажной

Америки, это темная проза, освещенная лишь тусклыми огоньками маленьких техасских городков. Дауд не особо пугает — но временами действительно страшно. Один из альбомов Дауда назывался «Картинки с оборотной стороны жизни». Что творится на этой стороне, нам удачно поведал Стивен Кинг; Дауд же добавил своих скупых мелодий. Он поет о неудавшихся самоубийцах; пятнах крови; шулерах; обманутых мужьях; у него встречаются почти гумилевские сюжеты («и молча на карту поставил свой крест»; герой Дауда ставит обручальное кольцо), а «Оклахома» рифмуется исключительно с «комой». Уэйтс говорил про своего приятеля Уэйсса: «Он поет так, словно за ним гонятся черти». От Дауда черти сами бегут враспынную.

На своих альбомах ДД не чурается некоторого эксперимента (хоть и не трясется над звуком так, как Уэйтс); живьем он звучит куда более жестко, резко и лапидарно. Трио под его началом — суровая девушка, длинноволосый гитарист и барабанщик, которого зовут так же, как основате-

МАКСИМ ГОРЕЛИК

Джонни Дауд: мэтра видно сразу

ля Beach Boys, Брайаном Уилсоном — выдает неприязательный, вполне гаражный рок, словно бы ставящий своей целью соответствовать теореме легендарного музыкального критика Лестера Бэнгса: тот говорил, что грубость есть главный критерий рок-н-ролла; чем грязнее, чем пронзительней — тем лучше. Бэнгс первым из своих коллег распробовал панк и фри-джаз; он называл лучшим альбомом всех времен двойной диск Лу Рида, состоящий из бесформенного гитарного воя, — но и Джонни Дауда, надо думать, он бы оценил по достоинству. Оценили его и слушатели — особенно когда Дауд заиграл вещи с ранних, более удачных своих альбомов, вообще освоился на сцене, начал произносить какие-то бессвязные монологи (акцент у него

такой, что понять вообще ничего невозможно), уверять, что лучше Москвы он городов не встречал, и выжимать из гитары совсем уж дикие звуки.

Помимо прочего, Дауд представляет собой ценный пример того, чем может занять себя неглупый и немолодой мужчина. Ведь старость — лучший повод заняться музицированием; примеров тому несть числа. У нас, к сожалению, эту нишу занимает разве что Петр Николаевич Мамонов; поди сыщи на сцене еще хоть одного седеющего пассива. Возможно, таковым со временем станет Александр Ф. Скляр, который с удовольствием наблюдал за Даудом из зала; возможно, к микрофону наконец выйдет АК Троицкий.

Будем ждать.